

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S1605788024030094

Из истории советско-французских литературных связей 1930-х годов: неизвестное письмо французских писателей А. М. Горькому о В. Серже (по материалам Архива А. М. Горького)

© 2024 г. М. А. Ариас-Вихиль

Доктор филологических наук,
ведущий научный сотрудник Архива А.М. Горького
Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН,
Россия, 121069, Москва, ул. Поварская, д. 25а
marina.arias@mail.ru

Резюме. В статье исследуются советско-французские писательские контакты в общественно-политическом аспекте на основе двух неизвестных и не введенных в научный оборот писем Архива А.М. Горького: письма пяти французских писателей от 28 июня 1932 г. А.М. Горькому и письма В. Сержа от 28 сентября 1932 г. секретарю Горького П.П. Крючкову. Французские писатели левых взглядов (Ж.-Р. Блок, Ш. Вильдрак, Ж. Геенно, Л. Верт, Ф. Журден), сочувствующие СССР, обратились к Горькому с просьбой помочь Сержу выехать из СССР. Месяц спустя с просьбой ответить на это письмо обратился к Крючкову В. Серж. Сын эмигрантов-народовольцев, Серж в 1919 г. приехал в Советскую Россию для участия в революционных преобразованиях общества и содействия мировой революции. Связи Сержа с антисталинской оппозицией привели к преследованиям ГПУ, двум арестам (в 1928 г. и 1932 г.) и ссылке в Оренбург на три года (в 1933 г.). Благодаря международной кампании во французской и бельгийской прессе, развернутой левыми интеллектуалами, в апреле 1936 г. Серж покинул СССР. Неизвестное до сих пор первое письмо в его защиту, направленное французскими писателями Горькому, является важнейшим свидетельством политических стратегий писателей левого направления 1930-х годов, попытки оказывать влияние на социально-политические процессы внутри левого движения, а также попытки гуманизации сталинского режима.

Благодарность. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 23-18-00393, <https://rscf.ru/project/23-18-00393/>) в ИМЛИ РАН.

Ключевые слова: Горький, Роллан, В. Серж, журнал “Европ”, Ж.-Р. Блок, Ш. Вильдрак, Ж. Геенно, Л. Верт, Ф. Журден, Е.П. Пешкова.

Для цитирования: Ариас-Вихиль М.А. Из истории советско-французских литературных связей 1930-х годов: неизвестное письмо французских писателей А.М. Горькому о В. Серже (по материалам Архива А.М. Горького) // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2024. Т. 83. № 3. С. 92–100. DOI: 10.31857/S1605788024030094

From the History of Soviet-French Literary Relations in the 1930s: An Unknown Letter from French Writers to A. M. Gorky about V. Serge (Based on Materials from the A. M. Gorky Archive)

© 2024 Marina A. Arias-Vikhil

Doct. Sci. (Philol.),
Leading Researcher at the A.M. Gorky Archive
of the Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
25a Povarskaya Str., Moscow, 121069, Russia
marina.arias@mail.ru

Abstract. The article examines Soviet-French literary contacts in the socio-political aspect on the basis of two unknown and not introduced into scientific circulation letters from the Archive of A.M. Gorky: a letter of five French writers dated June 28, 1932 A.M. Gorky and a letter from V. Serge dated September 28, 1932 to Gorky's secretary P.P. Kryuchkov. French writers of leftist views (J.-R. Bloch, C. Vildrac, J. Guéhenno, L. Werth, F. Jourdain), who sympathized with the USSR, turned to Gorky with a request to help Serge leave the USSR. A month later, V. Serge himself turned to Kryuchkov with a request to respond to this letter. The son of Narodnaya Volya emigrants, Serge came to Soviet Russia in 1919 to participate in the revolutionary transformations of society and promote the world revolution. Serge's connections with the anti-Stalinist opposition led to persecution by the GPU, two arrests (in 1928 and 1932) and exile to Orenburg for three years (in 1933). Thanks to an international campaign in the French and Belgian press launched by left-wing intellectuals, Serge left the USSR in April 1936. The still unknown first letter in his defense, sent by French writers to Gorky, is the most important evidence of the political strategies of leftist writers of the 1930s, attempts to influence socio-political processes within the leftist movement, as well as attempts to humanize the Stalinist regime.

Acknowledgements. The research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation (project No. 23-18-00393, <https://rscf.ru/project/23-18-00393/>) in the Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences.

Key words: Gorky, Rolland, V. Serge, Europe magazine, J.-R. Bloch, C. Vildrac, J. Guéhenno, L. Werth, F. Jourdain, E.P. Peshkova.

For citation: Arias-Vikhil, M.A. *Iz istorii sovetsko-francuzskih literaturnyh svyazej 1930-h godov: neizvestnoe pismo francuzskih pisatelej A.M. Gorkomu o V. Serzhe (po materialam Arhiva A.M. Gorkogo)* [From the History of Soviet-French Literary Relations in the 1930s: An Unknown Letter from French Writers to A.M. Gorky about V. Serge (Based on Materials from the A.M. Gorky Archive)]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2024, Vol. 83, No. 3, pp. 92–100. (In Russ.) DOI: 10.31857/S1605788024030094

Выходец из семьи русских политэмигрантов, приверженец идей П. Кропоткина, франкоязычный писатель русского происхождения Виктор Серж (В.Л. Кибальчич, 1890–1947) принадлежал к роду народовольцев Кибальчичей, как и знаменитый террорист-изобретатель Н.И. Кибальчич, казненный вместе с Желябовым. Отец Сержа, Лев Кибальчич, унтер-офицер русской конной гвардии, член боевой организации Народной воли, опасаясь ареста, был вынужден эмигрировать. По воспоминаниям Сержа, его родители кочевали между Лондоном, Парижем, Швейцарией и Бельгией «в поисках хлеба насущного и хороших библиотек» [1, с. 8]. Некоторое время Лев Кибальчич преподавал в Институте астрономии в Брюсселе, затем семья переехала во Францию. Виктор Кибальчич родился в Бельгии, очень рано заинтересовался политикой, вступил в партию эсеров, потом примкнул к анархистам. Сотрудничал в анархистских газетах «Револьте» (*Le Révolté*) и «Анарши» (*L'Anarchie*), а в 1910 г. стал ее редактором. В 1913 г. Серж был осужден на пять лет тюрьмы за поддержку анархистской «банды Бонно», прославившейся «высокотехнологичными» ограблениями банков. В разгар Первой мировой войны, летом 1917 г. Серж попытался уехать в Россию, где в то время происходили революционные события. Серж вспоминал позднее, как в приемной штаба в Париже он познакомился

с Н.С. Гумилевым: «В приемной штаба я встретил солдата лет тридцати, только что приехавшего из Трансиордании, где он сражался в составе британских войск. Как и я, он пытался вернуться в Россию, и по стечению обстоятельств ему удалось это раньше меня. <...> Иногда он читал волшебные стихи. <...> Это был один из величайших русских поэтов нашего поколения, уже ставший знаменитым, Николай Степанович Гумилев. Мы встретимся еще несколько раз в России, противниками и друзьями. В 1921 году я много дней напрасно буду бороться, чтобы воспрепятствовать его расстрелу ЧК. Но тогда мы не предвидели это близкое будущее» [1, с. 75–76]. Как мы видим по этому отрывку, несмотря на взаимный интерес, возникший у молодых людей, они принадлежали к разным историческим эпохам: Серж олицетворял собой яростного и бескомпромиссного революционера нового времени, готового посвятить свою жизнь делу будущей революции в Европе. После Октябрьской революции Серж сделал попытку нелегально въехать в Россию, но на границе был арестован. В 1919 г. французское правительство обменяло его на французского офицера, задержанного петроградской ЧК. Так он, революционер в коленях, оказался, наконец, в стране победившей революции. В Советской России Серж вступил в ВКП(б), на протяжении ряда лет работал переводчиком и организатором

под началом Г.Е. Зиновьева в Третьем Интернационале, сблизился с Л.Д. Троцким. Анархист и узник французской тюрьмы стал в СССР влиятельным большевиком, работающим на мировую революцию, как агент Коминтерна он занимался подготовкой революционного восстания в Германии. Серж вспоминает об этом периоде: «Мы выпускали журнал Интернационала на четырех языках, тайно, различными путями отправляли за рубеж послание за посланием. Я переводил письма Ленина, а также книгу, которую написал Троцкий в своем бронепоезде, “Терроризм и коммунизм”; в ней отстаивалась необходимость длительной диктатуры на период перехода к социализму, которая, без сомнения, должна продлиться несколько десятков лет. Это непоколебимое мышление немного пугало меня своим схематизмом и волюнтаризмом. Ощущалась нехватка всего: сотрудников, бумаги, средств связи, даже хлеба и чернил» [1, с. 126]. Деятельность Сержа в качестве переводчика внесла заметный вклад в русско-французский литературный и политический диалог XX века: «Его статьи публикуются во французской левой периодике и вносят немалый вклад в обмен мнениями между русскими и французскими интеллектуалами. В СССР он принимает французских писателей, приезжающих для знакомства с новой Россией (Ж. Дюамель, Л. Дюртен, П. Истрати). Вырвавшись в 1936 г. из СССР на Запад, он встречается с А. Жидом, чтобы рассказать ему о сталинизме. Таким образом, Серж был одним из культурных посредников, представлявших во Франции благодаря своим статьям и переводам реалии советской литературы и судьбу ее авторов» [2, с. 184]. В статье исследователей Е.А. Легеньковой и Т.С. Таймановой подробно воссоздается история его переводческой деятельности, в том числе перевода романа Ф. Гладкова «Цемент», а также перевода на французский книги В.Н. Фигнер «Воспоминания революционерки». В конце 1925 г. Серж начинает работу над переводом отдельных томов собрания сочинений Ленина для Института В.И. Ленина, которые будут опубликованы во Франции в 1928–1929 гг. в издательстве “Éditions Sociales internationales” (ESI, осн. в 1927). В этом же издательстве вышли и другие книги, переведенные Сержем в период его работы в издательском отделе ИККИ [3].

Наряду с переводами для французского полного собрания сочинений В.И. Ленина Серж перевел первый советский учебник политэкономии, романы Ф. Гладкова, М. Шагинян и М. Шолохова (Gladkov F. Le ciment, Paris: ESI, 1928. 364 p.; Chaguinian M. Hydrocentrale. Paris: ESI, 1933

(coll. “Horizons”, 1933. 460 p.); Cholokhov M. Terres défrichées. Paris: ESI, 1933. 464 p.) [2, с. 184].

После смерти Ленина, в период борьбы Троцкого и Сталина за лидерство в партии, Серж примкнул к антисталинской левой оппозиции, за что в 1928 г. был исключен из партии и арестован в первый раз. Арест продлился 36 дней, затем Серж был отпущен, как он сам полагает, благодаря его международным и литературным связям, прежде всего с французскими писателями и издателями левого толка. После ареста и тяжелой болезни он решает отойти от партийной работы и целиком посвятить себя писательству, чтобы оставить достоверное свидетельство о русской революции, ее участниках, о годах, проведенных в СССР, — годах борьбы за социализм и сопротивления тоталитарному режиму: «“Если по воле случая, — сказал я себе, — я выживу, нужно будет срочно закончить начатые книги и писать, писать...” Я размышлял о том, что предстояло создать, обдумывал план цикла романов-свидетельств о моей незабываемой эпохе...» [1, с. 316]. Сознавая, что в качестве партийного работника он обречен на бездействие, находясь в оппозиции, он решил использовать собранные им множество заметок и документов о революции. Он взялся за написание «Года первого русской революции» и подготовку «Года второго», закончил роман «Люди в тюрьме». В своих воспоминаниях он подчеркивает, что его целью было «донести до людей то, чем живет большинство, не имеющее возможности высказаться, средство сопричастности, свидетельство о жизни, проживаемой всеми нами, сущность которой мы должны постараться сохранить для тех, кто придет после нас» [1, с. 318]. В этом он считал себя продолжателем лучших традиций русской литературы: «Русская интеллигенция с ранних лет внушила мне, что самый смысл жизни состоит в сознательном участии в историческом процессе. Со временем я только укрепился в таком убеждении. Это означает активно выступать против всего, что принижает людей, и участвовать в любой борьбе, ведущей к их освобождению и подъему. Пусть участие неизбежно омрачается ошибками, оно не перестает быть категорическим императивом» [1, с. 458]. Таким образом, между 1928 и 1933 гг. он написал одну историческую книгу и три романа, опубликованные во Франции и Испании. Из Парижа пришли одобрительные отзывы Жака Мениля, Магдалены Паз, «изумительного поэта» Марселя Мартине, Жоржа Дюамеля, Леона Верта, журнала «Эроп» (“Europe”). Речь идет о книгах-свидетельствах, носивших автобиографический характер: «Люди в тюрьме» (Les Hommes dans la prison. Paris: Rieder, 1930), «Рождение нашей силы» (Naissance de notre force. Paris: Rieder, 1931), «Завоеванный город» (Ville conquise. Paris: Rieder, 1932), «Белое море» (Mer blanche. Revue des Vivants, № 8, 9-10, août — septembre

1932). Перед Сержем закрылись все двери, хотя он и предпринял попытку опубликовать в СССР роман о своем пребывании во французской тюрьме¹: «В России ситуация была ясна. Мой старый друг Илья Ионов, директор Госиздата, бывший каторжанин, бывший оппозиционер-зиновьевец, запретил печатать мой первый роман, уже переведенный, откорректированный и набранный. Я отправился к нему: “То, что мне сообщили – правда?” – “Правда. Вы можете создавать по шедевр в год, но пока вы не примкнете к линии партии, ни одна ваша строчка не увидит света!”» [1, с. 319]. Один экземпляр этой книги, тираж которой не увидел свет, сохранился в спецфонде библиотеки им. В.И. Ленина: Серж В. 1825 дней. М.-Л., 1930. Несмотря на публикацию своих произведений за границей, Серж не мог получать гонораров, находясь в СССР, и едва сводил концы с концами, имея на руках семью, состоящую из маленького ребенка и заболевшей психически жены: «Мне приходилось вести тяжкую борьбу за хлеб насущный для моей семьи в обществе, где передо мной были закрыты все двери, и люди на улице зачастую боялись пожать мне руку. Каждый день, без страха, но лишь заботясь о жилье, здоровье жены, образовании сына, я задавался вопросом, не буду ли арестован ночью. Для своих книг я разработал особую форму: они должны состоять из отдельных частей, которые можно завершать независимо друг от друга и тотчас же отправлять за границу; чтобы их в крайнем случае можно было опубликовать такими, как есть, без продолжения; иная композиция была бы затруднительна для меня» [1, с. 318].

В 1929 г. в Ленинграде выходит книга Сержа «Французская литература после войны» в переводе А.Н. Горлина². Однако в конце 1929 г. Серж принял окончательное решение уехать с семьей во Францию: «Из года в год, начиная с 1928-го, круг беспрестанно сужается... Я попросил загранпаспорт и написал по этому поводу очень ясное и твердое письмо генсеку ВКП(б). Мне известно, что он его получил, но ответа я не дождался» [1, с. 340]. В этих условиях Серж и его друзья во Франции пытаются привлечь внимание к его трагической ситуации: «Мой арест, наделавший некоторый шум в Париже, показался неудобным в высших кругах» [1, с. 293].

Началом борьбы французских писателей в защиту Сержа, вина которого состояла в том, что он оказался «неудобным свидетелем», обладающим острым умом и бесстрашием потомственного революционера, стало написанное Горькому письмо редактора

издательства «Ридер» (Rieder), издававшего произведения Сержа во Франции (и авторитетный журнал «Эроп»), писателя и публициста левых взглядов Жана-Ришара Блока с просьбой помочь Сержу выехать из СССР. Письмо подписали еще четыре французских интеллектуала, известных своими просоветскими и социалистическими взглядами, Шарль Вильдрак, Жан Геенно, Леон Верт, Франсис Журден:

Мой дорогой Максим Горький,

Вы знаете Виктора Сержа. Мы тоже его знаем как одного из писателей, наиболее активно способствующих тому, чтобы во Франции узнали и полюбили Русскую революцию и Советскую Россию.

Совокупность обстоятельств делает совершенно необходимым приезд во Францию Виктора Сержа и его семьи. Скажем только о самых неотложных: его жена тяжело больна, она нуждается в лечении и отдыхе, это лечение и отдых сможет ей обеспечить здесь группа друзей, которая возьмет на себя все материальные расходы.

Вы также понимаете, что писатель, надолго оторванный от своего привычного окружения и культуры, после пятнадцати лет, нуждается в контакте с языком, на котором он пишет, ему необходимо быть в курсе литературной продукции, изучать ее, обновить то, что является предметом и инструментом его работы, и так как он издает свои произведения во Франции, ему необходимо заниматься их публикацией.

Уже больше года Виктор Серж ходатайствует о разрешении выехать во Францию, уже год его многочисленные друзья готовятся к его пребыванию здесь, беспokoятся по этому поводу.

Мы обращаемся к Вам, Максим Горький, без всякой задней мысли. Ожидание ответа на просьбу Виктора Сержа (такую справедливую и понятную) мы сначала связывали с административными проволочками. Если была другая причина, если Советское правительство опасается каких-то нападков со стороны этого писателя, мы предвидим это замечание и заранее утверждаем, что ни на мгновение не сомневаемся в прямоте Виктора Сержа, человека, совершенно неспособного на низость и коварство, его преданность Революции никогда не подвергнется сомнению.

Просим Вас незамедлительно помочь Сержу в его ходатайстве, никакого вреда Русской революции это не принесет; наоборот, если, благодаря Вашему вмешательству, дата отъезда Виктора Сержа приблизится, писатель такого огромного значения сможет продолжать творить, человек будет спасен.

Мы уже благодарны Вам за все, что Вы сделаете для нашего друга, и мы счастливы представившейся нам возможности высказать Вам нашу горячую привязанность.

Жан-Ришар Блок, Шарль Вильдрак, Ж<ан> Геенно, Леон Верт, Франсис Журден³.

Как мы видим, это письмо написано в сложный для Сержа момент, когда он разуверился в возможности продолжать писательскую деятельность в СССР и не имел средств поддерживать существование своей семьи переводами, гонорары

¹ Перевод романа Сержа с франц. яз. сделал его друг «льезский инженер» А.Н. Горлин, сотрудник Госиздата, которому О. Мандельштам посвятил «Балладу о горлинках» (1924).

² Серж В. Французская литература после войны. Л.: Издательство «Красная газета», 1929.

³ Архив А.М. Горького. АГ КГ-инФ 1-28-2. Перевод с франц. автора статьи.

за которые были ничтожными. Обращение к Горькому не случайно. Когда Серж приехал в Петроград в 1919 г., Горький тепло принял его, так как во времена голодной юности был связан с семьей матери Сержа, которая жила в Нижнем Новгороде. Серж оставил в своих воспоминаниях портрет Горького той поры: «Его квартира на Кронверкском проспекте, полная книг и предметов китайского искусства, показалась мне теплой, как оранжерея. Сам он, зябкий, в своей толстой серой вязаной фуфайке, часто кашлял, уже тридцать лет борясь с туберкулезом. <...> Я сразу распознал в нем замечательного, беспристрастного, беспощадного свидетеля революции, и именно как свидетель он говорил со мной. Очень суровый по отношению к большевикам, “опьяненным властью”, которые “направляли неистовый стихийный анархизм русского народа”, “возрождали кровавый деспотизм”» [1, с. 91–92]. Горький предложил Сержу работу в издательстве «Всемирная литература», но тот отказался, собираясь служить революции: «Я встретил там лишь стареющих или озлобленных литераторов, пытающихся уйти от действительности, переводя Боккаччо, Кнута Гамсуна и Бальзака. Мой выбор был сделан, я не против большевиков и не нейтрален по отношению к ним, я буду с ними, но сохраняю свою свободу, не отрекись от способности мыслить критически» [1, с. 95]. В тот момент и сам Горький отошел от литературы и писал только письма и ходатайства, пытаясь спасти от голода и репрессий интеллигенцию — «мозг нации», «ломовую лошадь культуры»: «Я часто встречал в ЧК того, кого в глубине души стал величать Великим Заступником — Максима Горького. Он изводил своими ходатайствами Зиновьева и Ленина, но почти всегда добивался успеха. В сложных случаях я обращался к нему; он никогда не отказывал. Горький сотрудничал в “Коммунистическом Интернационале”, споря с Зиновьевым по поводу каждой фразы в публикациях. Однажды он принял меня, рыча от бешенства, когда я пришел по поручению Зиновьева. “Не желаю больше слышать об этой сволочи, — воскликнул Горький, — и передайте ему, что его палачи позорят род людской!”» [1, с. 102]. К Великому Заступнику и обратились французские писатели с просьбой о помощи. Серж отдавал себе отчет, что ему в любой момент грозил арест, тучи над ним сгущались. Горький до 1933 г. жил в Сорренто, а в СССР проводил только летние месяцы. Летом 1932 г. Горький был в Москве, но, по всей видимости, не ответил на присланное ему письмо французских писателей, так как месяц спустя Серж пишет его секретарю Крючкову письмо с просьбой уточнить, дошло ли письмо до Горького:

Ленинград, ул. Желябова, 19 кв. 4
28 сентября 32

Многоуважаемый тов. Крючков!

Пять французских писателей, мои друзья Charles Vildrac, Léon Verthe, Francis Jourdain, Jean-Richard Bloch и Jean Guéhenno обратились в начале июля м<есяца> с письмом к Алексею Максимовичу.

Так как это письмо касается меня и так как эти французские писатели не получили до сих пор ответ, мне важно было бы знать, дошло ли это письмо, вероятно, посланное по почте, заказным, до Алексея Максимовича?

С товарищеским приветом

Victor Serge
(В.Л. Кибальчич)⁴

По иронии судьбы Серж жил в Ленинграде на улице, носящей имя революционера-народовольца Андрея Желябова, с которым были связаны старшие члены его семьи. Неизвестно, получил ли Серж ответ от Крючкова. Однажды Серж случайно встретил Горького в Москве (тот проезжал мимо в открытом «линкольне») и нашел его переменявшимся: «Один, откинувшись на заднее сиденье “линкольна”, он показался мне отделенным от улицы, от московской жизни... Он писал плохие статьи, полные режущих софизмов, оправдывая чудовищные процессы советским гуманизмом! Что происходило в его душе? Нам было известно, что он продолжает брюзжать, раздражителен, что обратная сторона его суровости — протест и страдание. Мы говорили друг другу: “Однажды он взорвется!”» [1, с. 325]. После этой случайной встречи Серж сделал попытку увидеть Горького, но «его секретарь (из ГПУ), здоровенный тип в пенсне, ничтожество с донельзя подходящей фамилией Крючков, закрыл передо мной дверь. (Крючков был расстрелян в 1938 году.)» [1, с. 326]. Однако Горький все-таки занялся «делом Сержа», и одной из причин, побудивших его вмешаться в судьбу неистового революционера, стало участие в «деле Сержа» его французского друга Р. Роллана, с которым Горький двадцать лет состоял в переписке. Хотя Роллан не сочувствовал Сержу в его революционной борьбе, будучи пацифистом и отвергая любое насилие, но круг писателей журнала «Эроп», который издавал Роллан и к которому принадлежали писатели, подписавшие письмо Горькому, продолжал настаивать на возвращении Сержа во Францию, тем более что очень скоро он был арестован и без суда и следствия выслан на три года в Оренбург с сыном-школьником без средств к существованию.

Писатели, обратившиеся к Горькому, участники Первой мировой войны, ставшие убежденными пацифистами, социалисты, участники барбюсовской группы «Кларте» (“Clarté”), а затем

⁴ Архив А.М. Горького. АГ КК-рл 13-60-1.

ролландовского журнала «Эроп», в разное время неоднократно посещали СССР и считали своим долгом поддержать социальный эксперимент по строительству социализма в «стране победившего пролетариата». Их взгляды были далеки от революционного радикализма Виктора Сержа, но общее прошлое (группа «Кларте»), общее настоящее (издательство «Ридер» и журнал «Эроп», а также работа в социалистических издательствах) заставили их принять активное участие в судьбе своего собрата по перу, посылавшего им непрерывные сигналы SOS, начиная с 1928 г. В дальнейшем их судьбы сложились по-разному, но они остались «друзьями СССР» (за исключением Ж. Геенно, пересмотревшего свое отношение к СССР после московских процессов 1937–1938 гг.), в отличие от Сержа, который считал, что допущенные большевиками ошибки (террор, отказ признать ценность человеческой жизни) не позволяют им построить гражданское общество в России.

Так, автор письма Ж.-Р. Блок в 1920 г. поддержал решение Турского съезда Французской секции Рабочего интернационала о присоединении к Коминтерну, результатом которого стало основание Компартии Франции и сближение с Советской Россией. Как и Серж, он сотрудничал с группой «Кларте» А. Барбюса, а в 1920-е годы работал в издательстве «Ридер», которое издавало журнал «Эроп», основанный в 1923 г. Блоком и Р. Ролланом. В этом издательстве публиковались не только романы-свидетельства В. Сержа, но и произведения Панаита Истрати, еще одного коммунистического «диссидента», соавтора Сержа в трилогии «К другому пламени: Исповедь для проигравших» (*Vers l'autre flamme*, 1929), написанной после поездок Истрати в СССР в 1927–1928 гг. Непосредственный редактор этих свидетельств, Блок посетил СССР в августе–декабре 1934 г., участвовал в работе Первого съезда советских писателей, лично познакомился с А.М. Горьким⁵. В результате этой поездки и после политического кризиса 6 февраля 1934 г. Блок стал убежденным сталинским пропагандистом, борцом за Народный фронт, вступил в Комитет бдительности антифашистской интеллигенции и Ассоциацию революционных писателей и художников. Он принял активное участие в организации и работе Международного конгресса писателей в защиту культуры в Париже в 1935 г. Вместе с Луи Арагоном Блок основал ежедневную коммунистическую газету «*Ce Soir*» в марте 1937 г. Второй подписавший письмо участник кампании в защиту Сержа, поэт Ш. Вильдрак (1882–1971),

один из основателей литературной группы «Аббатство», приверженец социальной «поэзии будней», пацифист, сын коммунара и либертарианец, участник группы «Кларте», посетил Москву в 1928 г., а затем в 1935 г. Он стал, как и Блок, «попутчиком» и «другом СССР», защищал страну Советов в книгах «Новая Россия» (*Russie neuve (voyage en U.R.S.S)*, 1937), «Детство в СССР» (*L'enfance en URSS*, 1944) и др. Архитектор Франсис Журден был, как и Серж, сторонником анархизма, а затем социализма и коммунизма. Делегат Первой международной конференции пролетарских и революционных писателей (1927) в Москве, он участвовал в праздновании 10-летия Октября и стал членом Ассоциации революционных писателей и художников (1932), а в 1935 г. был избран генеральным секретарем Международного комитета борьбы против войны и фашизма. Эльзасец Леон Верт, французский романист, социалист-пацифист, был другом О. Мирбо и А. де Сент-Экзюпери, посвятившего ему свою знаменитую сказку «Маленький принц». Автор антивоенных романов «Клавель солдат» (*Clavel soldat*, русск. пер.: «Клавель солдат». М.: ЗИФ, 1926) и «Клавель у старейшин» (*Clavel chez les Majors*, 1917–1918, изд. 1922), в которых изображаются переживания солдата-интеллигента во время войны 1914–1918 гг., Верт неоднократно высказывался в пользу Советской России. Геенно, стоящий в тот момент во главе журнала «Эроп» (с 1929 г.), так же как и остальные участники коллективного письма, воевал в Первую мировую войну, служил пехотным офицером, был ранен. Окончив Высшую нормальную школу, Геенно преподавал в престижных парижских лицеях Лаканаль, Генриха IV и Людовика Великого. Но его больше, чем преподавание, интересовали литература и политика. Поклонник Октябрьской революции, которую он приветствовал в разгар войны, Геенно отказался вступить в Компартию Франции, родившуюся на конгрессе в Туре в декабре 1920 г., так как был сторонником концепции рабочего единства Ж. Жореса. Однако революционная Россия увлекла его до такой степени, что в 1928–1929 гг. он занялся биографией Ленина, изучением русского языка, вступил в переписку с другом Сержа Пьером Паскалем, с которым он когда-то учился в Высшей нормальной школе, работавшим, как и Серж, переводчиком в Институте Маркса-Энгельса в Москве, и Морисом Парижанином, журналистом *L'Humanité*, переводчиком Троцкого для издательства «Ридер», свидетелями первых лет Советской России. Однако биография Ленина так и не была написана, и в дальнейшем Геенно не пожелал отречься от прав личности во имя коллективного прогресса. Он никогда не вступал в Ассоциацию революционных

⁵ Блок Ж.-Р. Встречи с Горьким // Интернациональная литература. 1941. № 6.

писателей и художников, но и не пополнил ряды крайне левых радикалов (Виктор Серж, Борис Суварин, Андре Бретон, Анри Пулай), чей пацифизм и антисталинизм могли бы быть ему близки. В 1932–1933 гг. Геенно колебался, стоит ли вовлекать руководимый им журнал «Эроп» в кампанию за возвращение Сержа во Францию. Как сторонник СССР, Геенно был приглашен на Первый съезд советских писателей в Москве летом 1934 г., вместе с Ж.-Р. Блоком и А. Мальро. Однако, в отличие от Блока и Мальро, от приглашения отказался, увидев в этом «искушение», чреватое потерей свободы [4]. В 1935 г. он участвует в работе Парижского конгресса в защиту культуры. Его восхищение советским социальным опытом продолжалось вплоть до московских процессов, когда он выступил против смертных казней членов антисталинской оппозиции в статье «Напрасная смерть» (1937). Несмотря на свои социалистические взгляды, он отвергал концепцию «диктатуры пролетариата» и, в отличие от Ж.-Р. Блока или Р. Роллана (до «германо-советского пакта»), так и не стал безоговорочным сторонником советского режима.

Не получив ответа от Горького, 16 октября 1932 г. Серж отправил письмо с просьбой разрешить покинуть СССР в ЦИК СССР. Отказ от 31 декабря 1932 г. был получен им 16 января 1933 г. Серж пишет М. Мартине: «Я только что получил официальный ответ [...] немотивированный отказ» (V. Serge à M. Martinet. 10 octobre 1939, Léningrad. Fonds Marcel Martinet, №35, BNF) [2, с. 184–185]. Вскоре его арестовали, а затем выслали на три года в Оренбург без суда. После этого «делом В. Сержа» начинает заниматься Р. Роллан, его письма к Горькому этого периода полны настойчивых ходатайств об отмене ссылки (так как формально обвинение не было предъявлено) и получении паспортов для Сержа и его семьи для выезда во Францию. Так, 20 марта 1933 г. Роллан впервые пишет о Серже Горькому в Сорренто: «В Париже поднят шум вокруг имени Виктора Сержа. У него есть очень пылкие друзья среди таких видных людей, как Марсель Мартине, Леон Верт, Вильдрак, и они хотели бы добиться его выезда из СССР (оплатив все требуемые расходы). — Но я узнал сегодня утром от одного из них, что Серж арестован; и меня заклинают вступить за него. Должен Вам искренне признаться, что лично я не знаком с Сержем, знаю его только как писателя (причем его большой талант не подложит сомнению). Но чувство дружбы, которое он сумел внушить уважаемым мною людям, говорит в его пользу. И надо учитывать, как взволновал их его арест. Могу ли я просить Вас сообщить об этом в Москву и, узнав о причинах ареста

Сержа, вступить за него, если Вы сочтете это возможным» [5, с. 262]. 6 мая 1933 г. Горький отвечает Роллану: «Тотчас по приезде узнаю о Викторе Серже и сообщу Вам» [5, с. 266]. Кульминацией «дела Сержа» становится выступление его сторонников на Парижском конгрессе в защиту культуры и беседа Роллана со Сталиным в Кремле в это же время во время визита Р. Роллана и М.П. Кудашевой-Роллан в СССР, о чем Роллан оставил свидетельство в своем «Московском дневнике» (1935). Международная кампания в прессе, выступления в печати французских писателей — коммунистов, социалистов и анархистов (М. Мартине, Ш. Вильдрака, Ж. Геенно, Ж.-Р. Блока, Ф. Журдена, Л. Верта, Дюамеля и мн. др.), вмешательство Роллана, получившего лично от вождя обещание освободить В. Сержа («Он нам не нужен, и мы его можем отпустить в Европу в любой момент») [6, с. 108] не останавливались до самого отъезда Сержа из СССР. В «Московском дневнике» есть сцена с Г.Г. Ягодой, наркомом внутренних дел, генеральным комиссаром государственной безопасности и соседом по даче Горького в Горках, когда Роллан заводит разговор о рукописи Сержа, задержанной Главлитом. Ягода объясняет Роллану, что Главлит ему не подчиняется. Роллан, разумеется, не верит Ягоде. Через два дня Роллан получает рукопись для прочтения с обещанием вернуть ее перед отъездом. Ягода постоянно присылает Роллану и его жене букеты цветов. Перед отъездом Ягода вновь передает Роллану «еще целые охапки цветов! — но не рукопись Сержа, которую я просил» [7, с. 156].

Уезжая из Москвы, Р. Роллан написал письмо Г.Г. Ягоде (18 июля 1935 г.), напоминая ему об обещании вернуть рукопись романа Сержа о французских анархистах: «Будет очень досадно, если я, как и некоторые из моих друзей, ранее занимавшиеся этим вопросом (а именно, Жан-Ришар Блок), вернусь на Запад с пустыми руками и не смогу показать точных документов. Вы не должны думать, что французское общественное мнение было успокоено заявлениями, сделанными на конгрессе писателей: сведения, которые я получил после конгресса, убеждают меня, что этим делом решили продолжать заниматься. Даже такой страстно преданный советскому делу человек, как Жан-Ришар Блок, активно занимается им. У меня есть основания думать, что Жид и Мальро также не перестали им интересоваться. Поэтому было бы совершенно необходимо, чтобы я привез туда литературную рукопись и верные доказательства, чтобы успокоить умы... Я считаю так же, как и Вы, что для СССР будет лучше отправить Сержа на Запад... лучшей политикой будет освободиться от

него, выслав его из СССР, может быть, по отбытии им срока, через год (но объявив ему об этом официально уже сейчас), а пока предоставить ему возможность заниматься литературной деятельностью при осуществлении контроля цензурой и посылать рукописи романов на Запад, так как нужно избежать ложного впечатления, которым может воспользоваться кое-кто из врагов СССР, будто его лишают средств к существованию. В качестве дополнительных сведений сообщаю, что в то время, как в СССР мало придают значения литературным трудам Виктора Сержа, французские писатели ценят их»⁶. Просьбу Роллана поддержала М.П. Кудашева-Роллан, со своей стороны неоднократно напоминая в своих письмах секретарю Горького Крючкову об обещании Сталина [9].

Виктор Серж прекрасно понимал политическую конъюнктуру, позволившую ему выжить: «Вопреки опасениям, я не сгинул, а вернулся домой. Это произошло потому, что во Франции вокруг меня разгорелась упорная борьба. Общественные деятели и интеллектуалы требовали моего освобождения или обоснования ссылки. Им обещали устроить процесс по всем правилам — но он не состоялся; им обещали документацию по делу — но она не поступила. Им обещали, что меня немедленно освободят — но я оставался в неволе. В тот момент, когда советская политика искала поддержки левых кругов Франции, это было помехой» [1, с. 382].

Окончание «дела» Сержа связано с именем Е.П. Пешковой и созданной ею организацией Помощи политзаключенным, о чем Серж впоследствии вспоминал с глубокой благодарностью: «В Политическом Красном Кресте, среди мелких контор, заполонивших Кузнецкий мост, в двух шагах от высокого квадратного здания ГПУ, нас приняли Екатерина Павловна Пешкова и ее сотрудник Винавер, бывший либеральный адвокат. Екатерина Павловна еще носила фамилию Горького, женой которого была и преданной подругой оставалась. Доверие Ленина помогло ей во времена красного террора создать организацию помощи политзаключенным, кем бы они ни были, которую ЧК, а затем ГПУ терпели, относясь к ней уважительно и одновременно враждебно. Пешковой удавалось делать свое нелегкое дело, пользуясь абсолютным доверием как жертв, так и инквизиторов! Год за годом эта худая, печальная женщина с прекрасными серыми глазами, одевавшаяся элегантно и просто, окруженная

немногими неутомимыми помощниками, оказывала помощь, посредничество и заступничество жертвам всех волн террора, которые беспрерывно следовали одна за другой. Убежден, никто на свете в этом столетии не соприкасался так близко со столькими несчастьями, фатальностями, злодействами, неотвратимыми или нелепыми трагедиями. Пешкова жила в тайном аду, хранительница бесчисленных секретов, и каждый был смертельным, как злейший яд. Она не уставала и не теряла мужества, какими бы черными ни были времена — и для нее одной все времена революции были черными. Связанная с секретностью, она осталась неизвестной широкому миру. Я знал столько о ее тяжком труде, что мог бы написать целую главу, но это не входит в мою задачу» [1, с. 391–392]. Едва ли в XX, да и XXI в. кто-то лучше написал о «преданной подруге» А.М. Горького Е.П. Пешковой, поставив ей памятник в веках! Роллан пользовался возможностью на правах друга СССР обращаться с вопросами и просьбами к Горькому и некоторым партийным деятелям, с которыми был в переписке. Однако смерть Горького, совпавшая со сменой политического курса сталинского руководства, лишила его этой возможности. Свою правозащитную деятельность он мог вести только через А.М. Горького. В дальнейшем все просьбы его оставались без ответа.

Покидая СССР, Серж писал в мае 1936 г.: «Режим никогда не выпускает строптивцев, для коммуниста-оппозиционера, для свободного писателя, для подобного мне неудобного свидетеля, равно как и для всех строптивцев: социалистов, анархистов, синдикалистов, левых коммунистов, троцкистов и прочих, в СССР не бывает ни амнистии, ни освобождения, ни вообще возможности хоть как-нибудь жить» [10]. Однако и во Франции «строптивцы» были вне закона, поэтому Серж не получил французской визы, ему в ней было отказано французским правительством, премьер-министром которого был Пьер Лаваль, за год до этого подписавший с СССР договор о взаимопомощи. Благодаря вмешательству влиятельного бельгийского социалиста Э. Вандервельде Серж получил разрешение на въезд в Бельгию с сыном Владимиром. В 1940 г., в период немецкой оккупации, они уехали в Мексику, где Серж погиб при невыясненных обстоятельствах в 1947 г. Введенные в научный оборот письма являются важным свидетельством советско-французских контактов 1930-х годов и писательской солидарности в среде левой интеллигенции. Они показывают эффективность политических стратегий французских левых интеллектуалов в их попытке оказывать влияние на социально-политические процессы внутри левого движения, а также в попытке гуманизации сталинского режима.

⁶ Письмо хранилось в архивно-следственном деле по обвинению Рыкова, Ягоды и др. По решению Военной прокуратуры 10 декабря 1956 г. письмо было передано в Институт мировой литературы им. А.М. Горького. См. об этом: [8].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Серж В.* От революции к тоталитаризму: Воспоминания революционера / Пер. с франц. Ю.В. Гусевой, В.А. Бабинцева. М.: НПЦ «Праксис»; Оренбург: Оренбургская книга, 2001. 686 с.
 2. *Легенькова Е.А., Тайманова Т.С.* Судьба Виктора Сержа как переводчика // *Rossica*. 2021. № 1. С. 181–223.
 3. *Bouju M.-C.* Les maisons d'édition du PCF, 1920–1956. *Nouvelles Fondations* 7–8, décembre 2007, pp. 260–265. URL: <https://www.cairn.info/revue-nouvelles-fondations-2007-3-page-260.htm>
 4. *Racine N.* Jean Guéhenno dans la gauche intellectuelle de l'entre-deux-guerres // *Jean Guéhenno: guerre et paix*. Presses universitaires du Septentrion, 2009. P. 73–90.
 5. *Архив А.М. Горького. Том 15. М. Горький и Р. Роллан. Переписка (1916–1936).* М.: Наследие, 1996. 544 с.
 6. *Сталин И.В.* Беседа с Ромэном Ролланом 28 июня 1935 года (Окончательный текст) // *Сталин И.В. Сочинения. Т. 18.* Тверь: Информационно-издательский центр «Союз», 2006. С. 99–110.
 7. *Роллан Р.* Наше путешествие с женой в СССР // *Вопросы литературы*. 1989. № 3–5. № 5. С. 151–189.
 8. *Неизвестный Горький. Серия «Горький и его эпоха. Материалы и исследования».* Вып. 3. М.: Наследие, 1994. 327 с.
 9. *Ариас-Вихиль М.А.* «Дело Виктора Сержа» в письмах М.П. Кудашевой-Роллан (по материалам Архива А.М. Горького) // *Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка*. 2017. Т. 76. № 6. С. 48–51.
 10. *Серж В.* Годы без пощады // *Урал*. 2002. № 6. URL: <https://magazines.gorky.media/ural/2002/6/gody-bez-poshhady.html>
- [From Revolution to Totalitarianism: Memoirs of a Revolutionary. Transl. from French Yu.V. Guseva, V.A. Babintsev. Moscow: NPC “Praxis” Publ., Orenburg: Orenburg Book Publ., 2001. 686 p. (In Russ.)
 2. *Legenkova, E.A., Taimanova, T.S.* *Sudba Viktora Serzha kak perevodchika* [Victor Serge the Translator]. *Rossica*. 2021. No. 1, pp. 181–223. (In Russ.)
 3. *Bouju, M.-C.* Les maisons d'édition du PCF, 1920–1956. *Nouvelles Fondations* 7–8, décembre 2007, pp. 260–265. URL: <https://www.cairn.info/revue-nouvelles-fondations-2007-3-page-260.htm> (In French)
 4. *Racine, N.* Jean Guéhenno dans la gauche intellectuelle de l'entre-deux-guerres. *Jean Guéhenno: guerre et paix*. Presses universitaires du Septentrion, 2009, pp. 73–90. (In French)
 5. *Arkhip A.M.* *Gorkogo. Tom 15. M. Gorkij i R. Rolland. Perepiska (1916–1936)* [Archive of A.M. Gorky. Volume 15. M. Gorky and R. Rolland. Correspondence (1916–1936)]. Moscow: Nasledie Publ., 1996. 544 p.
 6. *Stalin, I.V.* *Beseda s Romenom Rollanom 28 iyunya 1935 goda (Okonchatelnyj tekst)* [Conversation with Romain Rolland on June 28, 1935 (Final Text)]. *Stalin, I.V. Essays. Vol. 18.* Tver: Information and Publishing Center “Soyuz” Publ., 2006, pp. 99–110. (In Russ.)
 7. *Rolland, R.* *Nashe puteshestvie s zhenoj v SSSR* [Our Journey with My Wife in the USSR]. *Voprosy literatury* [Topics in the Study of Literature]. 1989, No. 3–5, No. 5, pp. 151–189. (In Russ.)
 8. *Neizvestnyj Gorkij. Seriya “Gorkij i ego epokha. Materialy i issledovaniya”* [Unknown Gorky. Series “Gorky and His Era. Materials and Research”]. Vol. 3. Moscow: Nasledie Publ., 1994. 327 p. (In Russ.)
 9. *Arias-Vikhil, M.A.* “*Delo Viktora Serzha*” v pismakh *M.P. Kudashevoj-Rollan (po materialam Arkhiva A.M. Gorkogo)* [“The Victor Serge Case” in the Letters of M.P. Kudasheva-Rolland (Based on the Gorky Archive Materials)]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2017, Vol. 76, No. 6, pp. 48–51. (In Russ.)
 10. *Serge, V.* *Gody bez poshhady* [Years Without Mercy]. *Ural*. 2002, No. 6. URL: <https://magazines.gorky.media/ural/2002/6/gody-bez-poshhady.html> (In Russ.)

REFERENCES

1. *Serge, V.* *Ot revolyucii k totalitarizmu: Vospominaniya revolyucionera. Per. s francz. Yu.V. Gusevoj, V.A. Babinceva*

*Дата поступления материала в редакцию: 30 ноября 2023 г.
Статья поступила после рецензирования и доработки: 23 декабря 2023 г.
Статья принята к публикации: 15 апреля 2024 г.
Дата публикации: 30 июня 2024 г.*

*Received by Editor on November 30, 2023
Revised on December 23, 2023
Accepted on April 15, 2024
Date of publication: June 30, 2024*